

Независимая газета

Холодная война без слов

Демократический камуфляж мешает России адекватно формулировать свою реальную политику в СНГ

2006-03-27 / Дмитрий Ефимович Фурман - ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.

Вести из стран СНГ как вести с фронта. Потеряны Грузия, Украина, Молдавия, Киргизия. Аджария пала, Приднестровье в осаде. Враги устраивают диверсии в Узбекистане и Казахстане, подбираются к Белоруссии. Минск держится, но если он падет, страшно подумать, – открывается дорога на Москву. Что же за война идет на просторах СНГ? Кто, с кем и за что воюет?

Эта война – продолжение той холодной войны, которую вели Запад и СССР, только на значительно более узком пространстве, при ином соотношении сил и с несколько меньшим ожесточением. Ясно, что борьба России и Запада за Украину и Белоруссию – прямое продолжение борьбы СССР и Запада за Польшу, Венгрию, Чехословакию. Поддержка Европой и США Ющенко и Саакашвили – это продолжение их поддержки Дубчека и Валенсы. Наша поддержка Лукашенко – это продолжение поддержки СССР коммунистических режимов в ныне Центральной, а тогда – Восточной Европе. Почему же с концом коммунистической системы и провозглашением России демократическим и рыночным государством, вроде бы исповедующим те же ценности, что и Запад, борьба не прекратилась?

Вечные антагонисты

Как поведение человека по отношению к другим людям определяется тем, какой это человек, так внешняя политика государства определяется тем, какое это государство. Природа общества проявляется в его внешней политике.

СССР был «первым в мире государством победившего социализма», и его внешняя политика определялась этим. Любое государство стремится создать вокруг себя безопасную среду. Для СССР создание такой среды означало победу социализма в других странах. Политику СССР можно рассматривать и как предельно циничную, в которой цель оправдывает средства, и как предельно идеалистическую – миллиарды выбрасывались на ветер только для того, чтобы помочь какой-нибудь Анголе «встать на некапиталистический путь развития». Но «идеалистический» и «эгоистический» компоненты были в этой политике неразделимы, ибо речь шла о безопасности и выживании государства со строем, основанным на коммунистической идеологии.

Политика США и других западных стран также диктовалась их природой. Они также стремились к созданию в мире безопасной для них среды, гарантирующей их выживание. Для стран Запада, и прежде всего США – страны, самосознание которой неразрывно связано с системой ценностей, зафиксированных в Декларации независимости и Конституции, – борьба за национальные интересы неотделима от борьбы «за идеалы демократии».

Обе стороны шли на различные компромиссы с реальностью, поддерживая идеологически чуждых им «врагов своих врагов». Страх ядерной войны заставлял их быть осторожными и говорить о мирном сосуществовании. Порастерявший свои идеалы и впадающий в маразм СССР под конец уже плохо соображал, за что он борется, и совсем забыл о «победе коммунизма во всем мире», просто пытаясь забором из ракет отгородиться от старости и смерти, приближение которой он где-то в глубинах сознания ощущал. Тем не менее советская формула о «непримиримой борьбе противоположных социальных систем» правильно отражала реальность. Противоречия между советской и западной системами действительно были антагонистическими, и мирное сосуществование могло быть лишь «продолжением классовой борьбы иными средствами». Борьба была непримиримой и могла прекратиться лишь с исчезновением одной из борющихся сторон, что и произошло. Теперь внешняя политика России определяется природой постсоветского российского общества.

Какое же это общество?

Определить – значит уничтожить

Российское общество на символическом уровне порвало с советским прошлым и приняло демократические ценности. Никакой серьезной, реальной идеологии, альтернативной демократии, у нас нет и вроде бы не предвидится. Вместе с тем это общество не способно жить в соответствии с демократическими ценностями. Оно воссоздает у себя систему «безальтернативной власти», все более схожую с советской, но в отличие от нее не имеющую какого-либо идейного обоснования. Постсоветская российская система основана на глубоком противоречии формального и неформального устройства общества – противоречии, которое общество вынуждено прятать от мира и от самого себя. (Выборы вроде бы демократические и даже альтернативные, но с заранее известным результатом. Суд вроде бы независимый, но выносящий те решения, которые нужны власти, и т.д.)

Как США, как СССР, как любая страна, постсоветская Россия стремится создать вокруг себя адекватную, безопасную среду. Но крайняя противоречивость нашего общественного устройства диктует противоречивые требования к безопасности. Если определять наш строй как «управляемую демократию», то оба компонента этого определения диктуют разную политику.

Демократический камуфляж нашей системы требует партнерства с Западом. Но авторитарное, управляемое содержание нашей системы диктует прямо противоположное. Безопасная среда для нашей системы – это среда однотипных нам политических систем управляемых демократий, которую мы активно поддерживаем в СНГ и, насколько позволяют силы, везде – в Сербии, на Ближнем Востоке, даже в Венесуэле.

Политика СССР могла казаться «донкихотской» – зачем во имя «пролетарского интернационализма» тратить столько денег? Но если не расширяться, значит, сужаешься. То же самое можно сказать и о нашей политике по отношению к режиму Лукашенко. Система управляемой демократии в России погибнет, если Россия будет со всех сторон обложена

странами демократий неуправляемых. В конечном счете речь снова идет о выживании.

Запад не может не поддерживать установление однотипных западным систем, что означает расширение зоны его безопасности. Мы не можем не противодействовать этому. Поэтому внутренняя борьба в странах СНГ приобретает характер российско-западного противостояния. Любая оппозиция обращает свои взоры к Западу. Президенты тоже стремятся не портить отношения с Западом, поскольку Запад выдает сертификаты легитимности их режимам. Но когда дело доходит до угрозы потери власти, тут Каримов и Кучма вспоминают, что у них есть единственный влиятельный друг, который никогда не предаст в трудную минуту, – Россия. Борьба России и Запада на просторах СНГ – это такая же борьба двух непримиримых систем, как борьба мира капитализма и мира социализма. Но, в отличие от коммунизма, управляемая демократия не имеет идейного обоснования. В основе этой системы – противоречие реальности и провозглашенных принципов. Россия может вести эту борьбу лишь прикрито, не объявляя своих целей и даже не признаваясь в них самой себе. У СССР был прекрасно разработанный язык, описывающий его политику: «победа социализма во всем мире», «интернациональная солидарность», «мирное сосуществование двух систем», «мирное соревнование двух систем» и т.п. У нас нет и не может быть такого языка. Лозунг «Да здравствует победа управляемой демократии во всем мире!» невозможен. Мы не только другим, но и самим себе не можем сказать, что наша цель – не допустить в странах СНГ честных избирательных кампаний и нефальсифицированных выборов. Но если нет языка, не может быть и достаточно ясных мыслей и стратегий.

Противоречивость нашей политики, принципиальная невозможность адекватно ее сформулировать (это бы означало определить для самих себя нашу социально-политическую систему, но система эта такова, что может существовать лишь, пока она не определена, пока ее природа закамуфлирована), вытекающая из самой природы нашей системы необходимость стремиться сразу к двум противоположным целям: принятию в западное общество и противодействию Западу, где только можно, – одна из причин наших внешнеполитических поражений, нашей слабости. Но более глубокие причины наших неудач – в другом.

Фатальное упорство побежденных

Президент Путин сказал, что СССР погиб, потому что «оказался нежизнеспособен». И он совершенно прав.

Западные демократические и рыночные системы, в которых идет постоянная борьба политических сил, способны адаптироваться к самым разным вызовам современного быстро меняющегося мира, они адекватны этому миру.

Коммунистическая система была жизнеспособна на определенном этапе своего развития и для определенных стран – относительно невысокого уровня развития и культурного типа, мешающего установлению демократии и рынка. Но эта основанная на догме система была организована так, что очень быстро становилась ригидной и закрытой, не способной адаптироваться к меняющейся реальности. Бурная экспансия коммунизма

останавливалась на границе наиболее развитого мира, дальше начинались его стагнация и разложение. Процесс этот был несколько замедлен ригидным социально-политическим строем, но для неизбежного и необратимого развития коммунистических обществ все более ригидная система становилась все более тесна.

Системы управляемых демократий – смягченные варианты советской системы. В них уже нет сковывающей догмы, но в них нет и свободной борьбы политических сил. Как нет и ротации власти, которая дает возможность обществу адаптироваться к новым вызовам. Отсутствие идеологической базы, имманентное им противоречие формы и содержания делает их еще более хрупкими и неустойчивыми, чем коммунистические системы.

Управляемые демократии – естественные режимы в обществах, уже переросших коммунистические системы, но еще не способных жить в демократических условиях. Это компромиссные, переходные образования на пути к реальным демократиям. Развитие обществ подтачивает такие системы так же, как оно подтачивало коммунистические, но, похоже, быстрее. И именно в этом – конечная причина наших теперешних внешнеполитических неудач.

В 90-е годы, сразу после распада СССР, у нас была полоса успехов. Пали романтически националистические и прозападные режимы в Азербайджане и Грузии, и эти страны шли в СНГ. На Украине архитектора украинской независимости Кравчука сменил прагматик Кучма, а в Белоруссии к власти пришел Лукашенко. Россия вроде бы снова стала «собирать земли», создавая вокруг себя удобную для своей социально-политической системы среду, нечто вроде нового и миниатюрного варианта соцлагеря. Эти успехи не были результатом хитроумной и дальновидной российской политики.

Они были результатом естественных провалов попыток перейти к демократии неготовых к демократии стран, где устанавливаются однотипные режимы власти безальтернативных президентов, тянущиеся к России. В этот период само время работало на нас.

Но следующее десятилетие – полоса провалов. И опять-таки эти провалы – следствие не просчетов, а естественных процессов, следствие деградации режимов управляемых демократий, погружающихся в коррупцию, теряющих обратные связи с обществом, переходящих к открытым репрессиям и убийствам своих оппонентов и утрачивающих свою легитимность. Режимы деградируют, а общества развиваются. Современные Украина, Белоруссия, Казахстан – значительно более готовые к демократии общества, чем в начале 90-х. Волна цветных революций остановилась, пройдя по наиболее развитым обществам и сметая наиболее слабые режимы управляемой демократии, но вопрос о падении остальных режимов этого типа – лишь вопрос времени.

Мы обречены на неудачи, поскольку пытаемся сдерживать неумолимые и необратимые процессы. И мы не можем не пытаться их сдерживать, ибо это стремление вытекает из нашей природы.

Холодная война, которая продолжается в закамуфлированной форме, может прекратиться только тогда, когда сама Россия перейдет от управляемой демократии просто к демократии. Если изменится наш

организм, изменится и вся система наших национальных интересов. Старые проблемы исчезнут сами собой, как в Европе с победой демократии исчезла масса казавшихся вечными проблем, и возникнут новые. Но это будет еще не скоро. А пока нас ждут новые битвы и новые поражения.